

6. Obrashhenie prokuratury Krasnodarskogo kraja k rektoru KubGU. Pis'mo ot 30.05.2011 № 7 (3-35-209) // Biblioteka kriminalista. 2011. № 1. P. 52.
7. Popova Ju. V. Ugolovno-pravovaja ohrana zemli. Krasnodar, 2004. P. 10.
8. Available at: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/21>.
9. Ulen Tomas S. Teorija racional'nogo vybora v jekonomicheskom analize prava // Vestnik grazhdanskogo prava. 2011. № 3. P. 275.
10. Shmakov A. V. Jekonomicheskij analiz prava. Novosibirsk, 2005. Part 1. P. 4.
11. Shul'ga A. V. Prirodnye resursy kak predmet ugolovno-pravovoj ohrany // Biblioteka kriminalista. 2011. № 1. P. 46.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ И ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ СОБСТВЕННОСТИ

Дегтерёв Андрей Александрович, кандидат юридических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: degtere vand@rambler.ru.

На природные ресурсы Российской Федерации распространяются гражданско-правовые положения о праве собственности, согласно которым они являются носителями экономических свойств. Уголовное право трактует природные ресурсы как объекты уголовно-правовой охраны окружающей среды, игнорируя их экономическую сущность, что обуславливает необходимость преодоления противоречия между экономической и уголовно-правовой сущностью природных ресурсов.

Ключевые слова: природные ресурсы, хищение, экологические преступления, объекты собственности, браконьерство, незаконное предпринимательство, незаконная добыча природных ресурсов, незаконная добыча рыб осетровых пород

ECONOMIC ESSENCE OF THE ILLEGAL EXTRACTION OF NATURAL RESOURCES AND THE PROBLEMS OF CRIMINAL LEGAL PROPERTY PROTECTION

Degterev Andrey A., Candidate of Legal Sciences, Astrakhan State University, 414056, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: degtere vand@rambler.ru.

In the natural resources of the Russian Federation subject to civil law provisions on the right of ownership under which they are the bearers of economic properties. Criminal law treats the natural resources as objects of criminal law protection of the environment, ignoring their economic substance, resulting in the need to overcome the contradiction between economic and criminal legal entity of natural resources.

Keywords: natural resources, theft, environmental crime, property, poaching, illegal enterprise, illegal exploitation of natural resources, illegal mining sturgeon

Проблема уголовно-правовой охраны собственности коренится в сложившейся доктринальной традиции ограничивать предмет имущественных прав только теми объектами материального мира, в которых овеществлен человеческий труд. Долгое время доктрина гражданского права опиралась на положение о том, что право собственности может возникнуть у лица (в том числе и публично-правового образования) только на индивидуально-определённую вещь либо индивидуализированную вещь родового характера [22, с. 67], как на аксиому. По мнению О.С. Иоффе, индивидуально-определённая – это такая вещь, которая при установлении конкретного гражданского правоотношения выделяется из числа однородных вещей благодаря

присущим ей специфическим признакам [9, с. 245]. Точка зрения о том, что природные ресурсы являются объектом права собственности, излагается и в учебной литературе по гражданскому праву: «Исключением в этом отношении составляет земля и другие природные ресурсы, которые, как правило, не являются результатами труда (если не считать специально улучшенных, например мелиорированных земель или искусственных лесопосадок). Эти объекты, так или иначе, тоже вовлекаются в товарный оборот. В качестве объектов гражданских правоотношений земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты и другие природные ресурсы тоже относятся к категории вещей» [6].

Согласно такой трактовке, природные ресурсы до момента их добычи невозможно индивидуализировать, значит, они не могут быть объектом права собственности. Этот вывод может быть обоснован рядом логических посылок. Например, добытые из водоёмов, недр и т.д. природные ресурсы относятся к генетическим вещам, т.е. вещам, определяемым родовыми признаками. Индивидуализация таких вещей происходит в момент их изъятия из естественной среды, когда в природные ресурсы вкладывается труд человека. После этого определяется и право собственности на это имущество. С этого момента у правообладателя возникает право собственности на природные ресурсы. Таким образом, природные ресурсы становятся объектом права собственности в момент их добычи из природы, но не ранее. В соответствии с указанным выше методологическим основанием, понятие об имуществе как объекте гражданских прав возникает только с момента возникновения господства человека над вещью, которая рассматривается в гражданском быту как ценность [15, с. 159].

Эти взгляды были восприняты уголовно-правовой теорией. В частности, они почти дословно воспроизводятся в положении, сформулированном И.Ю. Ляпуновым: «Чтобы предмет преступления мог быть признан имуществом (товаром), он должен, во-первых, овеществлять в себе известное количество общественно необходимого труда и, во-вторых, именно им быть “вырванным”, “отделённым”, т.е. в той или иной форме физически обособленным и выделенным из природной среды материальным объектом» [3, с. 134; 13, с. 10].

Находясь в плену указанных выше доктринальных убеждений, практика зачастую попадает в затруднительные ситуации уголовно-правовой оценки незаконной добычи природных ресурсов. Иногда самовольную добычу полезных ископаемых квалифицируют по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 255 и 171 УК РФ. Так, приговором Краснодарского районного суда Краснодарского края А. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 255 и 171 УК. Из материалов дела видно, что он без получения соответствующей лицензии на недропользование добыл в общей сложности 5890 кубических метров песка (повредив верхний слой почвы), а затем реализовал его [20].

Подобные факты имели место и при строительстве дороги к туристической базе отдыха протяжённостью более 9 км, принадлежащей зятю экс-министра обороны РФ П. Военнослужащие разрушили бэровский бугор [14]. Землю с бугра они перевезли в затопляемую природоохранную зону, отсыпав основание под дорогу к базе отдыха П. Ущерб, причинённый государству, оценивается в десятки миллионов рублей. Военнослужащие действовали без получения соответствующей лицензии на недропользование, без составления и утверждения планов работ по использованию недр, повредив верхний слой почвы, добыли в общей сложности тысячи кубометров песка, а затем сами распорядились им, отсыпав дорогу к частной собственности, создав преграду на пути нерестовых рыб («рыбоходов») [2].

Квалификация анализируемого деяния по нормам ст. 171 УК вызывает возражение. По мнению В.С. Комиссарова, незаконная добыча недр не может

рассматриваться как незаконное предпринимательство, так как предпринимательской является деятельность, направленная на систематическое получение прибыли (ст. 2 ГК РФ). Добыча является лишь начальной стадией превращения природного ресурса в товар. Прибыль образуется при продаже товара. Закон о недрах запрещает безлицензионную добычу природных ресурсов, а такая деятельность не является предпринимательской. Кроме того, по его мнению, уголовная ответственность является своего рода продолжением административной ответственности. КоАП РФ содержит разные нормы, устанавливающие ответственность за безлицензионную деятельность: ст. 14.1 – за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии), а ст. 7.3 – за пользование недрами без лицензии либо с нарушением условий, предусмотренных лицензией [1, с. 84].

Применение ст. 171 УК РФ не является оправданным в подобных случаях ввиду технико-юридического противоречия: абсурдности требования от правонарушителя предоставления информации об источниках происхождения продукции, изготавливаемой, например, из рыб осетровых пород, и сопутствующей документации при её реализации. Главное системное противоречие: ни признаками основного состава, ни квалифицирующими признаками незаконного предпринимательства невозможно отразить экономическое значение незаконной добычи природных ресурсов (например, рыб осетровых пород).

Безлицензионная (самовольная) добыча природных ресурсов не может расцениваться и как посягательство на собственность (например, по признакам преступления, предусмотренного ст. 158 УК) в силу указанных выше доктринальных позиций.

Квалификация изложенных выше обстоятельств по признакам ст. 255 УК не отражает общественной опасности противоправной деятельности, поскольку по всех приведённых примерах «нарушение правил охраны и использования недр» причинило не только «значительный ущерб» окружающей среде, но экономический ущерб государству как собственнику земли и её недр в «астрономических масштабах».

В ст. 1.2 Закона «О недрах» от 21 февраля 1992 года № 2395-1 сказано о том, что недра являются государственной собственностью. При существующих уголовно-правовых представлениях о собственности как объекте уголовно-правовой охраны указанное положение закона – не более чем декларация, призванная подчеркнуть суверенитет государства и его право на залежи полезных ископаемых, находящиеся под поверхностью земли в пределах государственной границы государства и континентального шельфа.

Аналогичная неадекватность уголовно-правовой оценки имеет место и при квалификации незаконной добычи водных биоресурсов, а также других природных ресурсов. Массовое истребление биотеррористами осетровых рыб на Каспии квалифицируется как экологическое преступление (ст. 256 УК РФ), а промышленное браконьерство (вылов) под прикрытием лицензии колхоза квалифицируется иначе – как хищение осетровых у собственника (по ст. 158 УК). Одни и те же действия по отношению к водным биологическим ресурсам (рыбе осетровых пород) получают различную уголовно-правовую оценку и наказываются по-разному. Такой подход трудно признать обоснованным в политическом отношении.

Категоричное разграничение преступлений против собственности и преступлений против природной среды по содержанию и значению объектов уголовно-правовой охраны способствовало образованию вакуума в правовой оценке незаконной добычи природных ресурсов РФ. Многие из экологических уголовно-правовых запретов не отражают истинной социальной ценности природных ресурсов как объектов уголовно-правовой охраны, не отражают значения этих ресурсов как стратегических (с экономической точки зрения)

для Российской Федерации объектов, по какой причине и санкции соответствующих уголовно-правовых норм об экологических преступлениях не отражают действительной степени их общественной опасности.

По сравнению с экологической составляющей ущерба, причинённого расхищением природных богатств, положения УК об экологических преступлениях трактуют их экономическую составляющую как вред, производный от экологического ущерба (второстепенный, не отражающий сути родового объекта). Между тем, обращает на себя внимание то обстоятельство, что масштабы вреда, причинённого экономике РФ, размах хищнического расходования, истребления природных ресурсов (богатств) РФ значительно превышает валовый национальный продукт. Не только последствия, но и мотивация незаконной добычи природных ресурсов является экономической.

Развитие любых экономических отношений не только создаёт благоприятные условия для страны, но и порождает новые способы совершения преступлений, которые требуют уголовно-правовой оценки. Уголовно-правовая охрана отношений собственности в силу исключительной значимости самого института собственности всегда вызывала споры среди теоретиков и практиков. В последнее время в науке уголовного права наметился открытый взгляд на собственность как правовое благо, не ограниченный традиционными доктринальными преступлениями [4, 5, 7, 11]. Сложилась система российского законодательства о собственности, её объектах (и субъектах), которая опровергает тезис «предметом собственности может быть только такой объект материального мира, в котором овеществлён человеческий труд».

Согласно ч. 2 ст. 9 Конституции РФ, «земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности».

Статья 128 ГК РФ относит к имуществу вещи, включая деньги и ценные бумаги, имущественные права; работы и услуги; информацию; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. Под вещами понимаются предметы, имеющие материально-телесную субстанцию: тела в твердом, жидком и газообразном состоянии. Это объекты живой и неживой природы [10]. Следовательно, исходя из толкования ст. 128 ГК РФ, можно сделать вывод о том, что природные ресурсы, поскольку они признаются вещами в гражданско-правовом смысле, являются имуществом.

В п. 3 ст. 129 ГК РФ признаётся оборотоспособность (хотя и ограниченная) продуктов природы. Природные ресурсы могут быть предметом различного рода договоров. Например, земельные участки могут быть предметом договора купли-продажи (ст. 549 ГК РФ). Гражданский кодекс РФ не даёт однозначного определения понятию «имущество», понимая под ним вещь, обязательственные, исключительные правоотношения, имущественные права, работы, услуги, информацию, сюда можно и отнести и результат интеллектуальной деятельности, нематериальные блага, права требования и т.д., в зависимости от контекста применения гражданского законодательства [21].

В ст. 130 ГК РФ под имуществом признают участки, участки недр и всё, что прочно связано с землёй, т.е. объекты окружающей природной среды, используемые в гражданско-правовом обороте. Согласно п. 1 ст. 209 ГК РФ, объектом права собственности является имущество. Легко сделать вывод о том, что если природные ресурсы являются объектом права собственности, а объектом права собственности выступает само имущество, то природные ресурсы являются имуществом, ввиду того что эти понятия являются тождественными.

Согласно ст. 1.2 Закона РФ от 21.02.1992 года № 2395-1 «О недрах», «недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью».

В ст. 3 Водного кодекса РФ предусматривается: «Регулирование водных отношений осуществляется исходя из представления о водном объекте как ... об объекте права собственности и иных прав». Глава вторая Водного кодекса РФ также устанавливает правовой режим водных объектов в сфере отношений собственности.

Лесной кодекс РФ в ст. 8 предусматривает, что лесные участки в составе земель лесного фонда находятся в федеральной собственности, а в тексте Кодекса неоднократно указывается на то, что земли с лесами могут находиться и в иных видах собственности. Тщательно регламентирован и порядок изменения права собственности в отношении перечисленных предметов [12].

Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» в ст. 4 гласит, что «животный мир в пределах Российской Федерации является государственной собственностью».

Все указанные объекты не изъяты из оборота, не ограничены в нём, хотя имеют особый правовой статус обращения. Как видно, *природные ресурсы во всём их многообразии признаются законодательством объектами права собственности, из чего следует, что природные ресурсы являются чужим (для виновного) имуществом*. Трактовка природных ресурсов как имущества не зависит от того, вложен ли в них человеческий труд. Напротив, ценность природного объекта в современном мире многократно возрастает именно в силу его неподверженности человеческому воздействию, в его естественном, не изменённом человеком, состоянии.

Признание природных ресурсов объектами собственности (имуществом) обуславливает необходимость согласования уголовно-правовых доктринальных представлений о хищениях с действующим регулятивным законодательством (не говоря о приведении его в соответствие со ст. 9 Конституции РФ). Нужно отметить, что сформулировав в примечании 1 к ст. 158 УК понятие хищения, законодатель намерен был отразить в нём характеристику как правовых, так и экономических свойств собственности (вернее, полномочий собственности). Удалось ли ему решить эту задачу – отдельный вопрос [16; 17; 18, с. 104–107; 19, с. 100–105; 23].

Однако законодатель распространил понятие хищения на те предметы (объекты материального мира), сущность которых не имеет гносеологической связи с собственностью как правовым благом, хотя, даже выведенные из гражданского оборота или ограниченные в гражданском обороте, они имеют свою цену (в том числе на «чёрном рынке»). Например, состав хищения оружия находится в ст. 226 УК РФ (глава 24 «Преступления против общественной безопасности»), а состав хищения наркотических средств находится в ст. 229 УК РФ (гл. 25 «Преступления против здоровья населения»). При таком подходе к дифференциации объектов уголовно-правовой охраны трудно найти объяснение тому, что незаконная добыча природных ресурсов не может расцениваться как их хищение.

Например, статьи 256 и 258 УК РФ относятся к экологическим преступлениям, хотя умысел биотеррористов направлен не на уничтожение водных животных или промысловых морских растений, а на извлечение сверхприбыли, незаконного обогащения после продажи. Следовательно, итоговой целью и мотивом деятельности лиц, осуществляющих браконьерский лов водных биоресурсов, в частности, рыб осетровых пород, является нажива и получение прибыли в результате реализации незаконно добытой из дикой природы и переработанной продукции. В указанных статьях мотив вылова не влияет на квалификацию преступления, что даёт возможность безнаказанно заниматься промышленным браконьерством в неограниченных масштабах, извлекая сверхприбыли и причиняя неизгладимый ущерб государству, природным ресурсам, выражающийся в исчезновении популяций рыб. С криминологической точки зрения многие экологические преступления превратились в

профессии. В Нижней части Волги, по всей территории Северного Каспия целыми поселениями занимаются выловом осетровых и других видов анадромных видов рыб.

Статья 256 УК РФ содержит ряд признаков, которым нет определения: «крупный ущерб», «незаконные орудия лова» и т.д. Поэтому возбудить уголовное дело и довести его до суда практически невозможно. Если в санкциях норм Особенной части УК РФ отражается характер и степень общественной опасности запрещенного деяния, то подобное ее «отражение» является неадекватным с точки зрения экономической составляющей ущерба, причинённого незаконной добычей природных ресурсов Российской Федерации.

Специального внимания заслуживает, в частности, вопрос об экономическом значении такого объекта государственной собственности, каким являются осетровые породы рыб. Как представляется, эти водные биологические ресурсы имеют для экономики Российской Федерации стратегическое значение, подобное залежам драгоценных металлов, драгоценных камней, стратегического сырья и проч. Тем не менее, указанные биологические ресурсы не имеют в законодательстве РФ специального предметного выделения как объекты государственной собственности. Действие нормативных актов РФ, регламентирующих деятельность в области охраны и использования водных биологических ресурсов, обитающих на территории Волжско-Каспийского бассейна и Каспийского моря, осуществляется в расплывчатых границах ст. 256 УК, что, как представляется, не согласуется с положениями Конституции РФ.

Экономическая составляющая незаконного вылова рыб осетровых пород не противоречит его экологической значимости, но в стратегическом ресурсном плане преобладает. Это даёт основания задуматься над тем, чтобы расширить наши представления о видах хищений предметов, имеющих особую ценность.

Сегодня нет единообразия в понимании того, меновой или потребительской стоимостью обладают природные ресурсы. По мнению Э.Н. Жевлакова, если бы природные богатства обладали ценой, то они обладали бы и меновой стоимостью. Их можно было бы покупать, продавать, обменивать или другим способом вовлекать в товарно-денежные отношения. Однако в соответствии с прямым указанием закона природные богатства полностью изъяты из гражданского оборота, любые сделки с ними категорически запрещены [8, с. 23–24].

Как представляется, это положение, сформулированное в период действия УК РСФСР 1960 г., даёт достаточно оснований для осмысления проблемы природных ресурсов как объектов государственной собственности, имеющих стратегическое экономическое значение. Приведённое положение подчёркивало отношение государства к охране природных ресурсов, возведённых в ранг государственной неприкасаемой собственности, посягательство на которую наказывалось максимально строго (вплоть до смертной казни).

Известно уголовное дело (в период действия УК РСФСР 1960 г.) по обвинению браконьера Астахова (дважды судимого за браконьерство). Под маркой государственного предприятия, специализирующегося в Астраханской области на переработке рыбо-икорной продукции, Астахов широко развернул преступную деятельность по незаконной добыче осетровых рыб в Волго-Каспийском регионе. По УК РСФСР, любые природные ресурсы (в том числе и осетровые) являлись государственной собственностью и наказывались весьма сурово. При установлении государственной монополии на добычу рыб осетровых пород вопрос о меновой (и иной) стоимости предмета государственной монополии не обсуждается. Установление государственной монополии – вопрос экономической политики государства, которое не намерено делить свои стратегические (в том числе экономические) интересы с кем бы то ни было. Это, тем не менее, не означает того, что государство не ценит

экономических свойств тех объектов, на которые распространяет свою монополию. Напротив: ценит непререкаемо высоко для своей экономической безопасности. В этом контексте представляются малопродуктивными дискуссии о меновой стоимости природных ресурсов [23].

Экономическая, политическая, правовая (в том числе уголовно-правовая) оценка природных ресурсов как стратегических для экономики РФ объектов уголовно-правовой охраны, согласование уголовно-правовых представлений о собственности с действующим законодательством РФ – потребность общества, заинтересованного в своём прогрессивном развитии. Она же обуславливает целесообразность переоценки природных ресурсов как объектов уголовно-правовой охраны.

Список литературы

1. Алиев Н. Б. Понятие идеальной совокупности преступлений / Н. Б. Алиев // Правоведение. – 1981. – № 3. – С. 84.
2. Архив Главного военного Следственного управления Следственного комитета РФ за 2015 г.
3. Бойцов А. И. Преступления против собственности / А. И. Бойцов. – СПб., 2002. – С. 134.
4. Бочкарев С. А. Собственность в уголовном праве : монография / С. А. Бочкарев // под ред. А. Э. Жалинского. – М. : Nota Bene, 2011.
5. Бочкарев С. А. Уголовно-правовая охрана собственности: теоретико-инструментальный анализ : дис. ... канд. юрид. наук / С. А. Бочкарев. – М., 2010.
6. Гражданское право : учеб. для вузов / под ред. Е. А. Суханова. – М. : Волтерс-Клувер, 2004. – Т. 1.
7. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А. Э. Жалинский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2009. – С. 254–271.
8. Жевлаков Э. Н. Общие вопросы квалификации преступлений в области охраны окружающей среды / Э. Н. Жевлаков. – М., 1986. – С. 23–24.
9. Иоффе О. С. Избранные труды : в 4 т. / О. С. Иоффе. – СПб. : Юридический центр «Пресс», 2004. – С. 245.
10. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ / под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. – М. : Юрайт-Издат, 2004. – Ч. 1.
11. Кружалов М. И. Природные ресурсы как предмет хищений : сб. ст. / М. И. Кружалов // Уголовное право и современность. – М., 2009. – Вып. 2. – С. 190–197.
12. Лесной кодекс Российской Федерации // Собрание Законодательства РФ. – 2006. – № 50. – Ст. 5278.
13. Ляпунов Ю. Соотношение экологических и смежных составов преступлений / Ю. Ляпунов // Советская юстиция. – 1984. – № 11. – С. 10.
14. Малая Советская Энциклопедия / под ред. Б. А. Введенского. – М. : Полиграфический комбинат, 1958. – Т. 2. – С. 76.
15. Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. [по испр. и доп. 8-му изд., 1902] / Д. И. Мейер. – 3-е изд., испр. – М. : Статут, 2003. – С. 159.
16. Плохова В. И. О совершенствовании уголовно-правовых норм, охраняющих интересы собственника. Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы / В. И. Плохова. – М., 2003.
17. Подчерняев А. Н. О предмете хищения в нефтяной отрасли / А. Н. Подчерняев // Российский следователь. – 2007. – № 8.
18. Понятовская Т. Г. Объекты преступлений против собственности и качество уголовно-правовой охраны / Т. Г. Понятовская // Союз криминалистов и криминологов. – 2013. – № 2. – С. 104–107.
19. Понятовская Т. Г. Охраняется ли собственность нормами об ответственности за хищение чужого имущества? / Т. Г. Понятовская // Бургаски

свободен университет. Центр по юридически науки. Юридический сборник. Том XXII. – С. 100–105.

20. Приговор Красноармейского районного суда Краснодарского края от 17.05.2007 г. // Архив прокуратуры Красноармейского района Краснодарского края за 2007 г.

21. Трухачёв В. В. Бездокументарные ценные бумаги – предмет хищения? / В. В. Трухачёв, С. С. Арбузов, В. В. Лисицын // Российский следователь. – 2005. – № 12.

22. Хаскельберг Б. Л. Индивидуальное и родовое в гражданском праве / Б. Л. Хаскельберг, В. В. Ровный. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2004. – С. 67.

23. Шаповалов Ю. Н. К вопросу об объекте и предмете хищения / Ю. Н. Шаповалов. – Российский следователь. – 2008. – № 20.

References

1. Aliev N. B. Ponjatie ideal'noj sovokupnosti prestuplenij // Pravovedenie. 1981. № 3. P. 84.

2. Arhiv Glavnogo voennogo sledstvennogo upravlenija sledstvennogo komiteta RF za 2015 g.

3. Bojcov A. I. Prestuplenija protiv sobstvennosti. SPb., 2002. P. 134.

4. Bochkarev S. A. Sobstvennost' v ugovnom prave / ed. A. Je. Zhalinsky. M., Nota Bene, 2011.

5. Bochkarev S. A. Ugolovno-pravovaja ohrana sobstvennosti: teoretiko-instrumental'nyj analiz. M., 2010.

6. Grazhdanskoe pravo / ed. E. A. Suhanov. M., Volters-Kluver, 2004. Vol. 1.

7. Zhalinskij A. Je. Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyj analiz. 2nd ed. M., Prospekt, 2009, pp. 254–271.

8. Zhevlakov Je. N. Obschie voprosy kvalifikacii prestuplenij v oblasti ohrany okruzhajushhej sredy. M., 1986, pp. 23–24.

9. Ioffe O. S. Izbrannye trudy : in 4 vol. SPb., Press, 2004. P. 245.

10. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu RF / ed. T. E. Abova, A. Ju. Kabalkin. M., Jurajt-Izdat, 2004. Part. 1.

11. Kruzhalov M. I. Prirodnye resursy kak predmet hishhenij : sb. st. / M. I. Kruzhalov // Ugolovnoe pravo i sovremennost'. M., 2009, iss. 2, pp. 190–197.

12. Lesnoj kodeks Rossijskoj Federacii // Sobranie Zakonodatel'stva RF. 2006. № 50. St. 5278.

13. Ljapunov Ju. Sootnoshenie jekologicheskikh i smezhnyh sostavov prestuplenij // Sovetskaja justicija. 1984. № 11. P. 10.

14. Malaja Sovetskaja Jenciklopedija / ed. B. A. Vvedensky. M., Poligraficheskij kombinat, 1958. Vol. 2. P. 76.

15. Mejer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo : in 2 parts [po ispr. i dop. 8-mu izd., 1902]. 3rd ed. M., Statut, 2003. P. 159.

16. Plohova V. I. O sovershenstvovanii ugovno-pravovyh norm, ohranjajushhij interesy sobstvennika. Pjat' let dejstvija UK RF: itogi i perspektivy. M., 2003.

17. Podchernjaev A. N. O predmete hishhenija v neftjanoj otrasli // Rossijskij sledovatel'. 2007. № 8.

18. Ponjatovskaja T. G. Ob#ekty prestuplenij protiv sobstvennosti i kachestvo ugovno-pravovoj ohrany // Sojuz kriminalistov i kriminologov, 2013, № 2, pp. 104–107.

19. Ponjatovskaja T. G. Ohranjaetsja li sobstvennost' normami ob otvetstvennosti za hishhenie chuzhogo imushhestva? // Burgaski svobodен университет. Centr po juridicheski nauki. Juridicheski sbornik. Vol. XXII, pp. 100–105.

20. Prigovor Krasnoarmejskogo rajonnogo suda Krasnodarskogo kraja ot 17.05.2007 g. // Arhiv prokuratury Krasnoarmejskogo rajona Krasnodarskogo kraja za 2007 g.

21. Truhachev V. V., S. S. Arbuzov, V. V. Lisicyn Bezdokumentarnye cennye bumagi – predmet hishhenija? // Rossijskij sledovatel'. 2005. № 12.

22. Haskel'berg B. L., Rovnyj V. V. Individual'noe i rodovoe v grazhdanskom prave. 2nd ed. M., Statut, 2004. P. 67.

23. Shapovalov Ju. N. K voprosu ob ob#ekte i predmete hishhenija // Rossijskij sledovatel'. 2008. № 20.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Калгин Вячеслав Евгеньевич, кандидат исторических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: kalginmv@mail.ru.

Статья посвящена историческому развитию понятия провокации преступления. Автором рассмотрены этапы становления института провокации с древних времён по начало XX века. Особенно подробно в работе рассмотрена деятельность агента-provokatora.

Ключевые слова: провокация преступления, агентурная работа, агент-provokator

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF PROVOCATION OF A CRIME

Kalgin Vjacheslav E., Candidate of Historical Sciences, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatischev st., e-mail: kalginmv@mail.ru

Article is devoted to the historical development of the concept of provocation of a crime. The author considers the stages of formation of Institute of provocations from ancient times to the beginning of the twentieth century. In particular, the paper discusses the work of an agent provocateur.

Keywords: provocation crimes, undercover work, agent provocateur

Понятие провокации уходит своими корнями в глубокую древность, когда появилось рабовладельческое общество. Появление государств сопровождалось ведением с одной стороны, захватнических войн для расширения своих территорий и захвата богатств, принадлежащих побежденным. А с другой стороны сопротивление завоевателям вызывали необходимость с обеих сторон проявление хитрости, введение противника в заблуждение, чтобы можно было легко победить противника либо, напротив, отразить его нападение и таким путем отстоять свою государственную и территориальную целостность. Исторические и литературные источники Древнего мира свидетельствуют, что Ганнибал во время второй пунической войны уже в 111 в. до н. э. не только показал себя видным полководцем в борьбе с римскими легионами, но и являлся хорошим стратегом, активно пользуясь услугами тайных осведомителей из стана противника. Нередко он прибегал через своих лазутчиков и осведомителей к доставке в стан противника ложных сведений, чтобы спровоцировать врага к выгодным для него действиям. И, пользуясь этим, Ганнибал одерживал победы над врагом.

Известно, что подобными приемами пользовались Александр Македонский и Юлий Цезарь [5, с. 10]. Хитрость, обман противника и даже его провокация к действиям, ведущие его к поражению не вызывали осуждения, а, напротив, одобрялись видными философами и гражданами в античной лите-